

Безнравственная революция и революционная нравственность

Была ли деятельность Сергея Нечаева «анархистским вывертом в освободительном движении»?

Не так давно в одной компании некий довольно образованный молодой человек увидел в моих руках журнал «Община». «А, анархисты, – сказал он. – Продолжаете тот журнал «Община», который еще ваш Нечаев издавал в Женеве?»

Тогда-то я и решил написать эту статью. Прочитав ее, вы можете сами судить, – стоит ли считать Нечаева «нашим» и «анархистом».

Самое печальное, что не только любители «православия, самодержавия и народности», которые, вслед за Федором Достоевским, считают всех революционеров одинаковыми, «одним миром мазанными» «бесами», но и большинство отечественных специалистов-историков (а вслед за ними практически вся читающая публика) разделяют то мнение, что Нечаев был анархистом-практиком, учеником и соратником Бакунина, воплотившим в жизнь то, о чем говорил и писал Михаил Александрович. Откуда идет эта версия? Из того времени, когда Маркс и Энгельс, изгоняя Бакунина из Международного товарищества рабочих (Интернационала), организовали сбор всяческого компромата на него. Они, по-видимому, первыми обвинили его в «нечаевщине», отождествив позиции Нечаева и Бакунина. Важное место в этих обвинениях играл распространяемый Нечаевым и будто бы написанный Бакуниным злобный «Катехизис революционера» (о том, что это такое, и кому он принадлежит в действительности – речь пойдет ниже). Так было положено начало марксистской традиции в изложении отношений двух русских революционеров. По стопам классиков пошли многочисленные эпигоны: так, один из вождей Французской компартии Жак Дюкло выпустил книгу (на русском языке она была издана в 1975 г.) с выразительным названием: «Бакунин и Маркс: тень и свет», в которой представил великого бунтаря каким-то злобным монстром аморализма. Разумеется, точно также оценивали эту проблему, вплоть до самого последнего времени, советские авторы. Приведу лишь один пример, из числа самых свежих: В.А.Малинин в книге

«История русского утопического социализма. Вторая половина XIX – начало XX века» (М., 1991) пишет: «Деятельность Нечаева... была, бесспорно, анархистским вывертом в освободительном движении» (с.50). Далее он говорит об «анархистски-заговорщической деятельности Нечаева, бывшей в общем до известной степени саморазоблачением бакунизма, применительно к русскому социалистическому движению» (с.255). Подобные примеры можно множить и множить. Как я уже сказал, эпигоны Энгельса с Марксом парадоксальным образом объединяются с эпигонами Достоевского и Солженицына на почве отождествления и разоблачения Бакунина и Нечаева, бакунизма и нечаевщины. Немудрено, что такое представление по сей день господствует в массовом сознании и тиражируется публицистикой. Даже такой глубокий и честный мыслитель, как Альбер Камю, в своей замечательной работе «Бунтующий человек» разделяет эту точку зрения. Пожалуй, единственным счастливым исключением в современной русскоязычной литературе, являются книги и статьи Н.М.Пирумовой, в которых сложная проблема отношений Бакунина и Нечаева рассматривается серьезно и непредвзято. Но – довольно историографических вступлений, – перейдем к самим фактам.

Достаточно беглого взгляда на историю русского революционного движения XIX в., чтобы увидеть в нем две параллельные, зачастую противоборствующие тенденции: авторитарную и либертарную. С одной стороны, мы видим в 1820-40-е гг. декабриста Пестеля и петрашевца Спешнева с идеей революционной диктатуры, а в 1860-е гг. – Петра Заичневского (автора прокламации «Молодая Россия») и Петра Ткачева, проповедовавших революционный аморализм, безграничное насилие и создание всемогущей, безличной революционной партии, ведущей народ к светлому будущему. С другой стороны, большинство декабристов и петрашевцев, Лавров, Герцен и Михайловский, а затем герои «Земли и Воли» и «Народной Воли» –противники всякого революционного мессианства, сторонники свободного развития личности и нравственных способов борьбы за дело народа, убежденные, что к социализму и свободе можно прийти лишь через свободу, но не через рабство.

Вне всякого сомнения, Сергей Геннадьевич Нечаев принадлежал к первой из указанных тенденций в русском революционном

движении. Более того, он явился ее наиболее последовательным и ярким выразителем в теории и проводником на практике (вплоть до большевиков и Ленина), и не случайно слово «нечаевщина» –привлекательное для одних, ругательное для других, стало нарицательным.

Нечаев прожил короткую, но чрезвычайно бурную жизнь – 35 лет, из которых треть он провел в казематах Петропавловской крепости. Родившись в 1847 г. в семье простолюдина, он не уставал подчеркивать свое «плебейское» происхождение и «плебейский» характер. Среди своих товарищей по студенческой революционной среде 1860-х гг. – в большинстве своем выходцев из средних классов или же молодых «кающихся дворян», жаждущих слиться с народом и отдать ему свой долг, – «плебей» Нечаев выделялся как своими простонародными манерами, так и потрясающей энергией, перерастающей в фанатизм и страстной жадой немедленного действия. Общее направление его мыслей во многом определила прочитанная им в юности книга Ф.Буонаротти о заговоре Бабефа. Бабеф, якобинцы, Бланки, конспирация, тайные общества, заговоры, революционные партии с железной дисциплиной зачаровали Нечаева и на протяжении всей его жизни были для него путеводными маяками. Нечаев с презрением относился к рафинированным «людям 1840-х гг.» – революционерам и либералам в России и в эмиграции, принадлежащим к кругу Герцена. Эти люди, связанные в своей деятельности соображениями морали, чести, аристократическими привычками и излишней рефлексией, по мнению Нечаева были неспособны к реальному действию. Глубоко ненавидя угнетателей народа: помещиков, генералов, царя, молодой русский якобинец полагал, что для борьбы с ними сгодятся любые средства: ложь, подлость, массовые убийства, шантаж – церемонится с кем бы то ни было или кому бы то ни было доверять он не собирался. Сильное влияние оказал на молодого Нечаева и теоретик русского заговорщичества Петр Ткачев, с которым Нечаев познакомился в Петербурге и в соавторстве с которым даже написал программу действий. В 1869 г. Нечаев приступил к практическим действиям. Начал он с грандиозной мистификации. Сначала он распустил слух о своем аресте, а потом – о побеге из Петропавловской крепости. В действительности ни того, ни другого не было, но цели своей он достиг – в революционной среде возник миф о великом герое, совершившем беспрецедентный подвиг: бегство из царских

казематов. Встав, таким образом, на путь чудовищной лжи, Нечаев весной 1869 г. отправился в Швейцарию своего рода революционную Мекку, где обратился за помощью к Герцену, Огареву и Бакунину. При этом он представился одним из вождей всемогущего Революционного комитета, руководящего в России подготовкой революции.

Хотя Герцену Нечаев сразу же не понравился, но, под нажимом Огарева и Бакунина, он был вынужден передать нечаевскому «комитету» половину имевшегося у него «бахметьевского фонда» (денег, пожертвованных дворянином Бахметьевым на дело русской революции). На Огарева и, в особенности, на Бакунина, молодой русский революционер, напротив, произвел огромное впечатление. Михаил Бакунин, стареющий бунтарь, оторванный волею судеб от родины, увидел в Нечаеве человека, подобного ему по энергичности и самоотверженности, человека, представляющего молодую революционную Россию, наконец, человека, способного сплотить людей вокруг себя, увлечь их на бунт.

Поэтому Бакунин, восхищаясь нечаевским необузданным фанатизмом и революционным пылом, с самого первого дня своего знакомства с ним, склонен был закрывать глаза на такие «недостатки» «тигрёнка», «юного дикаря», как склонность к секретам и мистификациям, к неравноправным отношениям с товарищами по революции. Все это Бакунин относил на счет юности своего «молодого друга» и полагал, что годы и жизненный опыт повлияют на него. А пока – летом 1869 г. Бакунин оказывает Нечаеву всяческую помощь. Они совместно издают несколько брошюр и воззваний (к русской молодежи, к офицерам, к студентам). Уверенный в личном бескорыстии Нечаева и его преданности революционному делу, Бакунин снабдил Нечаева подписанным им удостоверением «полномочного представителя Русской секции Всемирного революционного альянса, номер 2771» (нечего и говорить, что этот Альянс был таким же мифом, как и нечаевский Революционный комитет в России!), добился того, что Огарев посвятил «юному другу Нечаеву» стихотворение «Студент» (вообще-то написанное о другом человеке). Это стихотворение с огаревским посвящением Нечаеву, изданное листовкой и привезенное в Россию, впоследствии упрочило авторитет Нечаева: теперь он казался русским революционерам не только героем, дерзко бежавшим

из Петропавловской крепости, но и представителем Всемирного революционного альянса, человеком, близким с Бакуниным и Огаревым.

Осенью все того же 1869 г. Нечаев возвращается в Россию и разворачивает деятельность по созданию революционного общества «Народная Расправа». Он привез с собою из Швейцарии знаменитый «Катехизис революционера». По утверждению Нечаева, этот документ, который должен был стать руководством к действию для будущих борцов за народное дело, был написан им в соавторстве с Бакуниным. Долгое время бакунинское авторство «Катехизиса» никем не оспаривалось. Оно послужило одним из главных аргументов против Бакунина при изгнании его Марксом и Энгельсом из Интернационала. Сейчас доказано, что авторство «Катехизиса» всецело принадлежит Нечаеву: во-первых, текстологическое сравнение риторики и стиля бакунинских произведений с «Катехизисом» доказывает это, во-вторых, решающим аргументом явилось опубликование ранее неизвестного письма Бакунина к Нечаеву, где великий анархист, говоря о «вашем катехизисе», называет его «катехизисом абреков», разбойников. И все же, хотя теперь установлена непричастность Михаила Александровича к написанию «Катехизиса», фактом является то, что в 1869 г. он не протестовал против его основных идей и, тесно общаясь с Нечаевым, возможно даже оказал какое-то влияние на содержание этого документа. О чем же идет речь в этом необыкновенном и зловещем произведении?

Проповедь организационного централизма, культ революционной целесообразности и последовательный аморализм, провозглашавшиеся и до Нечаева (карбонариями, бланкистами в Европе, Заичневским и Ткачевым в России) доведены в «Катехизисе революционера» до логического завершения. Полный отказ от своих привязанностей, обязательств, привычек, от совести и чести и даже от самого своего имени вменяется в обязанность «профессиональному революционеру». Шантаж, обман, предательство, убийство – все годится для борьбы с существующим строем. Железная дисциплина, безусловное повиновение вождям, отношение к другим революционерам не как к товарищам, но лишь как к «капиталу общего революционного дела» – вот что проповедует Нечаев в «Катехизисе революционера». Особенно зловеще, предвещая

будущие мысли Ленина, звучат слова о том, что для революционера «нравственно все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему». Отношение ко всем людям: к врагам, друзьям и нейтральным лицам строится исключительно исходя из соображений революционной целесообразности. «Катехизис» призывает манипулировать окружающими, превращая их в рабов на службе «общего дела» и при этом не останавливаться ни перед чем.

Даже если бы все эти мысли, выраженные в «Катехизисе» с поразительной определенностью и последовательностью, остались только на бумаге, – и в этом случае имя Нечаева вошло бы в историю, заняв место в длинном ряду, протянувшимся от Пестеля до Ленина. Но, к несчастью, Нечаев прибыл в Россию для того, чтобы на практике осуществить изложенную программу действий. Созданная им организация «Народная Расправа» строилась именно так, как предписывал «Катехизис»: пятерки, подчиняющиеся железной дисциплине, безоговорочная личная преданность и подчинение вождю – Нечаеву, всеобщий взаимный «революционный» шпионаж членов организации друг за другом – вот что представляла из себя эта организация. Неудивительно, что такие методы «партийного строительства», применявшиеся Нечаевым, вызвали протест и возмущение со стороны студента Ивана Иванова, одного из самых выдающихся членов «Народной Расправы». Иванов обличал нечаевский деспотизм, требовал более свободных и доверительных отношений внутри организации и даже усомнился в существовании всемогущего Комитета, от имени которого действовал Нечаев. Бунт следовало пресечь любыми средствами! Нечаев обвинил Иванова в провокации. Темной ночью 21 ноября 1869 г. в парке Петровской Сельскохозяйственной Академии Нечаев и несколько членов «Народной Расправы» заманили студента Иванова в грот и убили его, а тело бросили в ближайший пруд. Совершив это чудовищное преступление, Нечаев убил разом двух зайцев: устранил оппонента внутри организации и связал кровью ее членов. «Народная Расправа», грозящая расправой с угнетателями народа, начала и закончила свой путь расправой се своим товарищем-революционером.. Вскоре последовал разгром нечаевского тайного общества: почти все его члены предстали перед судом и дали показания; дело приобрело широкую и скандальную общественную огласку, а «Катехизис революционера» был – в назидание и устрашение опубликован в

официозном «Правительственном вестнике». Революционное движение было чудовищно дискредитировано, а по мотивам этой ужасной истории Достоевский и Лесков написали свои знаменитые романы, бичующие революционную «бесовщину».

А что Нечаев? Он и тут сумел уйти сухим из воды. Ускользнув от преследования, он бежал в начале 1870 г. за границу, вновь появился в Швейцарии и там первое время довольно успешно продолжал дурачить Бакунина и Огарева (Герцен к тому времени умер) и даже добился передачи ему второй половины «бахметьевского фонда». Тогда же он выпустил несколько номеров двух изданий: «Колокол» (не путать с лондонским изданием Герцена под тем же названием!) и «Община» (не путать с более поздним изданием русских анархистов в Швейцарии под тем же названием!). Чтобы еще больше скомпрометировать Бакунина и поставить его в зависимость от себя, Нечаев предпринял следующий шаг. В это время Бакунин, находившийся в тяжелой ситуации хронического безденежья (с женой и детьми) взялся за предложенный ему перевод на русский язык «Капитала» Маркса, получил аванс, дал расписку и – увяз в великом «кирпиче» основоположника «научного социализма». Китайская грамота марксовых хитросплетений была тяжела даже для Бакунина, закаленного в юные годы штудированием гегелевской философии. Не поставив Бакунина в известность, Нечаев написал заказчику этого перевода угрожающее письмо с требованием освободить Бакунина от взятых им на себя обязательств и вернуть расписку. В противном случае он угрожал ему «народной расправой» и «методами, не столь деликатными». Перепуганный заказчик выполнил эти условия, а вся эта история, разумеется, дошла до Маркса и стала одним из главных козырей, использованных им против Бакунина.

Однако сотрудничество Нечаева и Бакунина на этот раз было недолгим. Отношение Нечаева к Бакунину существенно изменилось: если за год до того он разыгрывал из себя его послушного ученика и единомышленника, всецело разделявшего анархистскую программу, то теперь он относился к Бакунину откровенно пренебрежительно: совершал кражи и подлоги документов и писем, постоянно лгал и путался в собственной лжи, не скрывал своих симпатий к якобинским, диктаторским и коммунистическим идеям, мало что общего имеющим с бакунизмом. Такая явная «перемена» в Нечаеве

неприятно поразила Бакунина. А тут в Швейцарию приехал русский революционер Герман Лопатин, хорошо осведомленный о всех мистификациях Нечаева, и публично разоблачил его; он рассказал и о том, что побег Нечаева из крепости – выдумка, и о деле Иванова, и о прочих «некрасивых» действиях вождя «Народной Расправы» в России.

После этого в июне 1870 г. Бакунин написал Нечаеву огромное письмо, в котором заявил о разрыве с ним. Это письмо не только показывает, в какой мере Бакунин действительно несет ответственность за действия своего «молодого друга», а в чем их позиции отличались, но и остро ставит актуальные и по сей день вопросы морали революционеров и принципов, на которых должна строиться революционная организация.

С одной стороны, невозможно отрицать многочисленные моменты близости бакунинских и нечаевских позиций. Долгое время Бакунин склонен был закрывать глаза на аморализм, проповедуемый и практикуемый Нечаевым. Да и в этом письме, категорически отрицая «макиавеллизм» и «иезуитскую систему» Нечаева, Бакунин не вполне свободен от нечаевщины в вопросах «партийного строительства». Революционную организацию он представляет себе как штаб будущей революции, как тайную и невидимую диктатуру, которая после революции не даст установиться новому деспотизму. Эта противоречивая мысль Бакунина о том, что посредством диктатуры тайной, неофициальной, не стремящейся к благам и привилегиям для своих членов, можно предотвратить диктатуру явную – безусловно несет на себе следы длительного пребывания Бакунина (с 1845 г.) во франкмасонских ложах и его увлечения карбонариями. На мой взгляд, этот кардинальнейший вопрос – вопрос о принципах построения и целях деятельности революционной организации Бакунин так и не сумел удовлетворительно решить.

С другой стороны, письмо Бакунина Нечаеву свидетельствует о тех огромных различиях, которые существовали между этими двумя выдающимися революционерами. Михаил Александрович признает, что «веря в Вас безусловно, в то время как Вы меня систематически надували, я оказался круглым дураком – это горько и стыдно для человека моей опытности и моих лет, – хуже этого, я испортил свое положение в отношении к русскому и интернациональному делу». При этом Бакунин обрушивается на нечаевское якобинство и

бланкизм, на идею захвата власти революционным меньшинством, выступая за стихийный массовый переворот, совершаемый самим народом. «Всякая другая революция, по моему глубочайшему убеждению, бесчестна, вредна, свободо– и народоубийственна». Нечаевская иезуитская система, основанная на обмане и подлости, не морализует революционеров, а развращает их – она бесчеловечна и неэффективна на практике, а, в случае своего осуществления, посадит на шею народу новых хозяев. Нечаевские методы приготавливают «новых угнетателей народа», убивают в революционерах «всякое человеческое чувство и воспитывают в них ложь, недоверие, шпионство и доносы...» Истинно революционная организация, по мнению Бакунина, «не навязывает народу никаких новых постановлений, порядков, форм жизни, а только разнуздывает его волю и дает широкий простор его самоопределению и его экономически-социальной организации, которая должна быть создана им самим, снизу вверх, а не сверху вниз». Революционная организация должна «на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было государственной власти над народом – даже самой революционной, по-видимому, даже вашей, – потому что всякая власть, как бы она ни называлась, непременно образом подвергла бы народ старому рабству в новой форме».

Таково было последнее слово Бакунина, последнее его обращение к Нечаеву, с призывом одуматься, отказаться от его чудовищной «системы», и направить весь свой пыл на дело, действительно полезное революционной России.

После этого их пути разошлись. Бакунину предстояло вскоре пережить участие в неудачном Лионском восстании 1870 г., поражение Парижской Коммуны, изгнание из Интернационала, провал анархических восстаний в Италии. История с Нечаевым заставила его всерьез задуматься над пересмотром некоторых своих доктрин и подтвердить свои либертарные принципы в противовес любому авторитаризму.

Нечаев же был в 1872 г. выдан швейцарскими властями царскому правительству как уголовный преступник, мужественно вел себя на суде и в крепости – где ему предстояло провести долгие десять лет заключения – последние годы его короткой жизни. По иронии судьбы он был заточен именно в Петропавловскую крепость (откуда якобы

«бежал» в 1869 г.). Его поведение в заключении было поистине героическим. Когда полицейский генерал Потапов предложил ему снисхождение, если он согласится стать предателем, Нечаев ударил его по лицу, разбив его до крови. Несломленный деятельный дух Нечаева действительно почти совершил чудо: Нечаеву удалось при помощи своего харизматического обаяния распропагандировать весь тюремный гарнизон, установить контакты с «Народной Волей» – и лишь предательство одного из заключенных, выдавшего его правительству, сорвало далеко идущие планы Нечаева. Караульная команда была расформирована, более 60 солдат были преданы суду, а Нечаев, заключенный в карцер, был обречен на скорую смерть от цинги и туберкулеза, которая и наступила 21 ноября 1882 г.

Но, быть может, в главном он был прав? Быть может, настоящий революционер, настоящая революционная организация по необходимости должны быть именно такими, какими он описал их в своем «Катехизисе революционера»? Как мы видели, уже Бакунин возражал ему, но, возражая, не смог дать удовлетворительного ответа и избежать противоречий. Настоящий, убедительный ответ – и ответ отрицательный был дан следующим поколением русских революционеров. После нечаевского дела русское революционное движение получило мощную прививку от «бесовщины» и «иезуитства». Кружок «чайковцев», из которого вышло героическое революционное движение 1870-х гг., возник во многом именно отталкиваясь от «нечаевщины». «Генеральство», централизм, аморализм стали бранными словами – новое движение строилось на взаимном доверии революционеров, максимальной децентрализации и отсутствии вождей, стремилось к полному нравственному и умственному развитию каждого из своих участников и безусловно отвергало принцип «цель оправдывает средства». Дух свободы, братства, равноправия и высокой нравственности был Присущ этому движению, стремящемуся не к революционному мессианству, но к слиянию с народом, чтобы разделить его долю, облегчить его участь и не только учить, но и учиться у него. Вот что писал в «Записках революционера» о кружке «чайковцев» Петр Кропоткин, бывший его членом: «В 1869 г. Нечаев попытался организовать тайное революционное общество из молодежи, желавшей работать среди народа. Но для достижения своей цели он прибег к приему старинных заговорщиков и не останавливался даже перед обманом, чтобы заставить членов общества следовать за собою (...) Кружок

саморазвития, о котором я говорю, возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности. Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. Вот почему кружок Чайковского, постепенно развивая свою программу, так широко распространился по России и достиг таких серьезных результатов. Поэтому также впоследствии, когда свирепые преследования со стороны правительства породили революционную борьбу, кружок выдвинул ряд выдающихся деятелей и деятельниц, павших в бою с самодержавием. Чайковцы не гнались за тем, чтобы набрать побольше членов. Тем меньше они стремились к тому, чтобы непременно руководить всеми многочисленными кружками, зарождавшимися в столицах и в провинции и взять, так сказать, на откуп все движение среди молодежи. С большинством из кружков мы были в дружеских отношениях; мы помогали им, и они помогали нам; но мы не покушались на их независимость. Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью».

Таков был ответ революционной России на «нечаевское дело». Народники 1870-х гг. – герои «Земли и Воли» и «Народной Воли» сделали свой выбор не в пользу якобинцев – Ткачева и Нечаева, но в пользу Герцена и Лаврова.

Однако и дело Нечаева не пропало. Оно нашло себе продолжателей, как в России (в числе их прежде всего стоит назвать большевиков), так и на Западе. И наши современники: РАФ в Германии, «Черные пантеры» в США и другие с восхищением говорили о Нечаеве, как о своем великом предшественнике.

А что же Бакунин? Как быть с ним – великим бунтарем и анархистом, проповедником свободы, который, безусловно, несет свою долю ответственности за слова и дела Нечаева, но – столь же безусловно отличается от него и в свое время порвал с ним и подверг беспощадной критике «иезуитскую систему» последнего? Мне остается лишь присоединиться к следующим словам современного

историка, исследователя этой проблемы, Пола Аврича: «...В то время, как Бакунин, при всех своих недостатках, был по своей сущности либертарием, Нечаев, при всех своих достоинствах, был по своей сущности авторитаристом. Его подлинными учителями были не Фурье, Прудон и Бакунин, но Робеспьер, Бабеф и Ткачев, чьи якобинские принципы он применял и развил до крайних пределов. Далекий от того, чтобы быть анархистом, он был апостолом политической целесообразности, которая имеет больше общего с конспирацией и с централизованной организацией, чем с созданием безгосударственного общества (...). В руках Нечаева анархизм, идеал свободы и самоценности личности, был запачкан, принижен и, наконец, искажен до неузнаваемости».

Выходные данные: «Наперекор», №2, 1996